

УДК 94(41/99):(477.75)

ОБ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОМ АСПЕКТЕ ГЕНУЭЗСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Сеитвелиева Н. Ю.

*Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: naile_crimea@mail.ru*

Предпринята попытка показать особенности этноконфессиональной обстановки в северопричерноморских факториях Генуи, проанализировать характер отношений между представителями различных этносов, но живущих в рамках одного города, в рамках единых отношений, составляющих многоязыкое население факторий. Здесь важно было понять специфику жизни далеко не однородного населения колоний, выявить особенности имевшего место сосуществования, как то заключение браков или сотрудничество в социально-экономической сфере. Также примечательно выделение такой интересной особенности внутрифакториального устройства, как статусное понятие «генуэзец», и возможность обретения этого статуса при определенных условиях представителями местного населения.

Ключевые слова: фактория, метрополия, Генуя, Северное Причерноморье, Каффа, Солдайя, Тана, латиняне, Устав для генуэзских колоний 1449 г.

Момент появления в Северном Причерноморье, и в частности в Крыму, итальянских – генуэзских и венецианских – факторий стал переломным моментом в развитии региона, ознаменовал новую веху в его истории. В равной степени «лакомым кусочком» этот регион представлялся как для Венеции, так и для Генуи, морских купеческих республик, которые в своем могуществе соперничали друг с другом, в том числе за право монопольного господствования на новых территориях. Ведущие позиции в средневековой геополитике, говоря современным языком, были во многом предопределены Венеции и Генуе их природно-географическими условиями. Венеция располагалась на островках в адриатическом заливе, а Генуя, расположившись с одной стороны между Лигурийскими Альпами и тирренским побережьем, была словно сдавлена крутыми отрогами Аппенин и морем. В связи с этим из-за нехватки плодородных земель было предопределено будущее этих городов. Основной их экономики стала морская торговля. На протяжении XI–XII вв. они наращивают свое торговое и политическое могущество, но расцвет их приходится на эпоху крестовых походов. Именно в это время Генуя и Венеция становятся крупнейшими морскими державами в Средиземноморском регионе. В результате Четвертого Крестового похода (1202–1204 гг.) венецианцы сумели ослабить позиции Византии в торговле на Востоке и в дальнейшем получили возможность монопольного освоения Черноморского региона, в том числе и Крыма. Чем и не преминули воспользоваться. Наиболее крупной из основанных венецианцами факторий в Крыму стала Солдайя (нынешний Судак). Однако в середине 60-х гг. XIII в. венецианцев в Северном Причерноморье сменяют их соперники генуэзцы, ознаменовав новый этап в истории региона. Здесь появляются новые торговые фактории, которые превращаются в настоящие влиятельные города. Это и Каффа (нынешняя Феодосия), и Тана (Азов), и Солдайя (Судак).

Актуальность исследования проблемных вопросов истории северопричерноморских колоний особенно возрастает в свете последних подвижек ко все более детальному и тщательному изучению объема понятия «культура». Имеются в виду современные исследования всех оттенков значения понятия «культура» как интеллектуально-психологического массива информации, а также исследования внутри- и межкультурных интеграционных процессов, не только современности, но и предшествующих эпох. Актуализация проблемы истории генуэзских колоний связана также с возрастающим интересом профессиональных исследователей, и не только, к изучению этнокультурных взаимодействий. Широкий интерес к этой проблеме отнюдь не является исключительной приметой современных исследований. Однако именно сейчас под влиянием многих факторов проблема изучения взаимодействия этносов и культур встала настолько остро.

Понятно, что в таком случае история опорных пунктов торгово-экономического присутствия генуэзцев в Северном Причерноморье получала, так сказать, «вторую жизнь». И это не случайно. Дело в том, что генуэзские колонии Северного Причерноморья вызывают величайший интерес и приковывают внимание многих исследователей по той причине, что весьма серьезной, интересной и важной темой являются разнообразнейшие аспекты внутренней жизни этих центров, в том числе административное устройство, система управления, степень зависимости в отношениях с метрополией, уровень определенной самостоятельности, в той или иной мере проявляющейся при решении различного рода вопросов и задач, касающихся внутреннего устройства и функционирования системы колоний Генуи в Северном Причерноморье.

В проблеме истории генуэзских колоний Северного Причерноморья, возникающих здесь с 60-х гг. XIII в., особое место принадлежит вопросу о населении и религиях в колониях. Важность этого вопроса объясняется тем, что проблема этносов и конфессий была и остается одним из актуальнейших аспектов истории Крыма. Дело в том, что интенсивное смешение народов, преодоление этнического барьера в контактах различного рода, межэтническая и межконфессиональная толерантность и сотрудничество или, наоборот, противостояние отнюдь не являются исключительной приметой современности. Эти процессы во многом были предвосхищены средневековьем с его христианской максимой – «нет ни эллина, ни иудея», с его абсолютным космополитическим порядком. И особенно ярко это проявилось именно в центрах, составивших молодую торгово-колониальную систему Генуи. Прежде всего, это, конечно же, касалось пунктов в Северном Причерноморье, где сильнейшим образом проявилось взаимовлияние и даже взаимопроникновение западной и восточной культур.

Генуэзские колонии представляли собой многоэтничные и поликонфессиональные центры торгово-экономического присутствия генуэзцев в Северном Причерноморье. Это подтверждается во многом записками путешественников [6; 10; 16], посещавших эти центры: Солдайю, Каффу, Тану и др., массой документов юридического и гражданского характера, освещавших различные аспекты жизни колоний [20; 19], а также внушительным массивом памятников материальной культуры средневековых городов и поселений [18; 3; 4; 2].

Многоязыкое общество колоний было представлено, прежде всего, несомненно, генуэзцами. Но кроме них были выходцы и из других городов, и даже не только Лигурии, но и Италии вообще: из Милана и Сицилии, из Флоренции и Венеции. Кроме того, латинский элемент был представлен также мигрантами из Франции, Испании, Германии, небольшой долей поляков и венгров [9].

Несомненно, более многочисленная часть населения была представлена нелатинянами. Это понятие объединяло, в первую очередь, греков и армян, которые фигурируют на первых позициях в любом описании населения генуэзских урбанистических центров (Каффы, Таны). Кроме того, долю населения составляли евреи, караимы [8, с. 22], татары, русские [21], некоторые кавказские народы [23, с. 828]. Эту характеристику имеет смысл дополнить указанием на долю в нелатинском населении, в частности Каффы, арабов, персов и турок [9, с. 108]. Однако гарантий отсутствия еще каких-либо, даже ничтожно малых долей других народов, нет. Этническая структура населения чрезвычайно сложна. Об этом пишет испанский путешественник XV в. Перо Тафур: «Столько и так необычны племена, которые там (в Каффе) собрались, что поистине не будь там генуэзцев, то, вероятно, жители тамошние ничем не походили бы на нас, настолько рознятся они в манере одеваться, есть, в обычаях женщин» [22, с. 128]. Это же засвидетельствовано в сообщениях и других путешественников, а также в частноправовых актах колониальных администраций.

Многочисленными источниками подтверждается наличие у каждой этнической общины отдельного квартала, структурированного вокруг центра, которым служила церковь той или иной конфессии. Но, несмотря на это, все же четкое разграничение этносов по расселению отсутствовало. Это проявлялось в том, что латиняне снимали жилье в кварталах нелатинян, вступали с ними в совместное владение, покупали и продавали дома, магазины, лавки, земли. Партнерами в этих операциях выступают нелатиняне.

Тот факт, что каждый отдельно взятый этнос не отграничивался от другого территорией своего квартала, был далеко не единичным и редким явлением. Напротив, в одном квартале спокойно жили представители разных этносов. Вопрос лишь в том, насколько компактно проживали на территории отдельного этноса другие группы [19, с. 405].

А.Г.Еманов в своей работе «Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII–XV)» приводит конкретные примеры этнического взаимопроникновения. Эти ситуации, несомненно, чрезвычайно интересны и являются свидетельством общности многоязыкового населения колоний. Об этом говорят следующие конкретные примеры: 1) армяне Костамир, Парокса, Симон свидетельствуют продажу дома неким Baader генуэзцу Никколо Спецапетра, расположенного по соседству с домом мусульманина Джамаладдина и домами русских; 2) итальянец Саладин де Овадо купил дом у Кристиана Аллемана, граничивший с домами сарацинов, венгра Матвея и грека Iurgus [9, с. 109–110] и т. д.

Но этносмешение происходило не только на уровне совместного проживания и мирного соседствования домов представителей различных народов и вероисповеданий. Этот активный симбиоз различных культур проявился ярко в такой сфере как

институт брака и семьи, что влекло за собой, несомненно, появление новой генерации людей, сочетавших в себе миры и системы ценностей Запада и Востока.

Факты заключения смешанных браков подтверждаются многочисленными нотариальными актами.

Ряд ярких примеров смешанных браков приводится по Каффе [9, с. 108–110].

Каффа отнюдь не была единственной в отношении этнического многообразия. Показательна в этом отношении Тана [12] – итальянская колония в устье Дона.

Здесь выделяется греческая община, в нотариальных источниках отражено русское население Таны. Примерно со II пол. XIII в. здесь существует еврейское поселение. Довольно внушительной была армянская община Таны [13, с. 184–189]. Карпов С.П. на основе соответствующих документов говорит даже о существовании отдельной армянской судебной курии в 1359 г.

Многочисленными были примеры смешанных браков в среде населения Таны [1]. Благодаря приведенным С.П.Карповым в приложении к его монографии «Латинская Романия» документам [13, Приложение: ASV, CI, Notai, 148/2. Pietro Pelacan; ASV, Notarili Testamenti 826 PIETRO PELACAN, С. 193–197] мы имели возможность самостоятельно проследить эту тенденцию. Для примера: Мария Грасса, принадлежавшая к римско-католической церкви, была замужем за русским по имени Федор (Feodor). Или – русский по имени Куна (Cuna), имевший брата Минку (Minca), женится на Катарине Ландо, дочери покойного Iohannis Muraris, служившего баллистарием в Тане и получавшего оклад за службу в венецианском замке Таны. Еще пример – некий Лука Чиврано, который называет себя русским, был женат на Магдалине, латинянке.

Однако несмотря на многочисленность примеров взаимопроникновения культур и этносов в брачно-семейной сфере и все возраставшее число браков между лицами разных христианских конфессий и среди разных социальных слоев, подобных отношений между христианами и мусульманами или иудеями не просматривается.

Как мы видим, одной из характерных черт генуэзских колоний Северного Причерноморья была их полиэтничность. Отсюда, как следствие, вытекала и поликонфессиональность населения, ведь каждая этническая общность придерживалась собственного вероисповедания.

Наиболее полную картину религиозного многообразия дает Каффа. Здесь известно 19 католических церквей [23, с. 704–707], 28 армянских, 13 греческих [3], 1 русская церковь, синагога [10, с. 269–273], кенасса и мечеть [15; 8]. Об этом свидетельствуют как письменные источники, в частности Устав 1449 г., так и археологические данные (материалы исследований Е.А.Айбабиной и С.Г.Бочарова).

При всей необыкновенной пестроте населения, оно представляло собой не разрозненное аморфное образование, а являлось именно единой общностью, основанной на взаимном сотрудничестве, религиозной и этнической толерантности. Различные культуры, различные системы ценностей словно срастались, образуя уникальное образование, синкретичное по своей сути.

Очень важно разобраться в вопросе о том, какой смысл этой общностью вкладывался в понятие «генуэзец». Ведь постепенно это определение выходит за рамки определения этногеографической принадлежности. Понятие это вскоре наполняется

определенным юридическим и сословно-имущественным содержанием. Быть «генуэзцем» означало обладать рядом особых прав и привилегий, т. е. понятие «генуэзец» плавно перетекает в определение некоего особого статуса, к получению которого необходимо стремиться. Эта ситуация говорила о том, что в данном случае стирались все субъективные грани, а деление могло быть только в плоскости социального статуса и имущественного положения.

«Права генуэзцев» могли получить, таким образом, армяне и евреи, татары и греки, при этом они наделялись соответствующими правами и привилегиями. «Генуэзцами» рассматривались [9, с. 114–115] жители Каффы «после того, как они оставались и жили в городе, или бурге, или в предместьях Каффы в течение 1 года со своими семьями» [23, с. 763].

Единство пестрого в религиозном и этническом отношениях населения проявлялось в совместной деятельности во благо единой общности. Это, к примеру, отражено в Уставе 1449 г. строительство городского водопровода на средства армянского епископа [23, с.687], а возможно, и армянской общины, возведение и ремонт оборонительных сооружений и укреплений. В.Л.Мыц приводит любопытное свидетельство из армянского источника по поводу совместных усилий разноэтничных городских общин по укреплению Каффы: «В году 916 (=1467), 16 ноября новая цитадель и ограда Каффы были восстановлены и закончены. И франки, армяне и ромеи [греки. – В.М.], поднимаясь со [своими] епископами и священниками, совершили обход с крестом и Евангелием, и они благословили [это] место» [18, с. 172].

Однако порой единство и общность нарушались вследствие имевших место столкновений и конфликтов [14, с. 98–100].

Но все же преобладали именно этническая толерантность и веротерпимость, население проявляло стремление понять «другого». Население говорило на разных языках, но в общении вырабатывался некий общий для всех и понятный «лингва франка» (подобно койнэ в Греции).

Наблюдалось все более глубокое проникновение латинского этнического компонента вглубь греческого, армянского и мусульманского этнических массивов. Это во многом было обусловлено и особой ментальностью генуэзцев, отличающейся редким космополитизмом, готовностью при утверждении собственных принципов принять чужие. Яркий пример тому дает анализ декоративной резьбы генуэзских памятников XIV–XV вв. [2, с. 32–61]. Использование генуэзцами в декорировании закладных плит орнаментов восточного характера свидетельствует о том влиянии, которое приобрела восточная стилистика на декоративное искусство генуэзцев в черноморских колониях [2, с. 32–61]. Освоение генуэзцами новых мест включало в себя не только утверждение своих позиций в политической и экономической сфере, но и способность воспринимать и приспосабливаться к местным условиям.

Взаимопроникновение культур и стилей воплотилось и в архитектурных деталях армянских памятников XIV–XV вв., где многочисленны примеры внешнего генуэзского принципа (герб Генуи, композиция плиты, монументальность шрифта и др. стилевые особенности), но совершенно отличного внутреннего; т. е. по характеру содержания надписи – это пример средневекового армянского строительного лапидарного памятника [2, с. 105–129].

Влияние латинского компонента на культуру средневековой Таврики проявилось и в вопросах метрологии XIV – XV вв. Для продаваемых на рынках Причерноморья тканей применялись венецианские и генуэзские меры длины (венецианская – 1 канна=2,3м и 1 браччо=0,683м; генуэзская – 1 канна=2,973м, 1 браччо=0,58м, 1 пикко=0,852м) [18, с. 164–165].

Мыц В.Л. указывает также на меры длины применительно к архитектурным памятникам Генуэзской Газарии. Речь идет об 1 пальмо=0,274м. Кроме того, сообщается об особой мере длины в Северном Причерноморье – «*pico de Gazaria*» – т. е. «локоть Газарии» [18].

Таким образом, если подвести небольшой итог, хотя и прекрасно осознавая частичность и неполноту работы, обусловленную невозможностью на данный момент работать со всеми источниками в полном объеме, и начальным этапом разработки темы, то все же можно вывести следующее:

1. Население генуэзских колоний Северного Причерноморья характеризовалось высокой степенью полиэтничности и религиозной пестроты. Это подтверждается многочисленными письменными источниками и материалами археологических исследований.

2. В значительной мере имело место смешение культур через браки между представителями разных этносов, что приводило к появлению новых смешанных этногрупп – пуланов, гасмулов [9, с. 110] и т. д.

3. В Каффе отмечались интеграционные тенденции в городском расселении, приведшие к объединению обособленных этно-религиозных кварталов.

4. Центры генуэзского присутствия в Северном Причерноморье (и особенно Каффа) являли собой ярчайший пример симбиоза двух цивилизаций и культур – западной и восточной. Это проявилось и в особенностях внутреннего устройства и жизни колоний, в архитектуре, в метрологии Таврики XIV–XV вв., в особенностях празднования указанных в Уставе 1449 г. праздников [23, с. 704–711]. Присланный из Генуи список 51 праздника [13, Приложение: ASG, AS.Div. Registri, 26. №473, F. 195v-197r 4.1.1440, с. 212–214] обязывал участвовать в торжествах каждого жителя Каффы, но при этом не воспрещались праздники и других конфессий (армянские, мусульманские, иудейские). Но уже тот факт, что мусульманин праздновал Пасху, а православный грек или армянин – день св. Ромула, уже был ярчайшим свидетельством синкретичности культуры генуэзской Каффы.

5. Население колоний не было разобщено по этническому и религиозному признакам, а наоборот представляло собой единый функционирующий организм, что, возможно, было вызвано особенностями жизни и условий средневекового Крыма. Это делало необходимым действовать совместными усилиями (сооружение водопроводов, фортификационные работы и др.).

6. Понятие «генуэзец» постепенно из сферы определения этногеографической принадлежности трансформируется в понятие, несущее юридическое и экономическое содержание. Понятие «генуэзец» превращается в статус, который подразумевает под собой особые права и привилегии. К обладанию этим статусом начинают стремиться и представители нелатинского населения генуэзских колоний. И часто они этот статус получали.

В заключение хотелось бы добавить, что Крым и сегодня является центром многоэтничности и поликонфессиональности. И опыт поистине удивительных взаимоотношений и взаимодействий представителей самых различных групп населения генуэзского Крыма как никогда актуален для Крыма современного.

Список использованных источников и литературы

1. Karpov S. Mixed marriages in a poliethnic society: a case study of Tana, 14th-15th centuries // *TOLERATION AND REPRESSION IN THE MIDDLE AGES. International symposium 10 (=In memory of Lenos Mavromatis)*. – Athens, 2002. – P. 207–214.
2. Айбабина Е.А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV–XVIII вв. – Симферополь: Сонат. – 2001. – 280 с.
Aibabina E.A. Dekorativnaya kamennaya rez'ba Kaffi XIV – XVIII cent. – Simferopol: Sonat. – 2001. – 280 p.
3. Айбабина Е.А., Бочаров С.Г. Греческие церкви средневековой Каффы // *Православные древности Таврики: Сборник материалов по церковной археологии*. – К.: Стилос, 2002. – С. 159–168.
Aibabina E. A., Bocharov S. G. Grecheskie tserkvi srednevekovoy Kaffi // *Pravoslavnie drevnosti Tavriki: Sbornik materialov po tserkovnoy arkheologii*. – K.: Stilos, 2002. – P. 159–168.
4. Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Каффы // *Византийский временник*. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 211–232.
Aibabina E. A., Bocharov S. G. Novie materialy po istorii srednevekovoy armianskoy kolonii Kaffi // *Vizantiyskiy vremennik*. – 1997. – Т. 57 (82). – P. 211–232.
5. Барабанов О. Н. Судопроизводство по гражданским делам в генуэзских факториях XIV–XV вв. // *Причерноморье в средние века*. – СПб.: Алетейя, 2001. – Вып. 5. – С. 108–128.
Barabanov O. N. Sudoproizvodstvo po grajdanskim delam v genuezskikh faktorih XIV-XV vv. // *Prichernomor'e v srednie veka*. – SPb.: Aleteya, 2001. – V. 5. – P. 108–128.
6. Бочаров С. Г. Город Каффа XIII–XV вв. в описании средневековых путешественников: Перо Тафур // *Пилигримы Крыма. Осень-99. IV Крымская международная научно-практическая конференция*. – Симферополь, 2000. – Т. 1. – С. 4–8.
7. Bocharov S. G. Gorod Kaffa XIII – XVvv. v opisaniі srednevekovih puteshestvennikov: PeroTafur // *Piligrimi Krіma. Osen' 99. IV Krimskaya mejdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsia*. – Simferopol, 2000. – T. 1. – P. 4–8.
8. Галенко О.Крим у 1438р.: [Подорожні нотатки Перо Тафура] // *Україна в минулому*. – К.: Львів, 1996. – Вип. 8. – С. 176–190.
Galenko O. Krim u 1438 r.: [Podorojni notatki PeroTafura] // *Ukraina v minulomu*. – K.: L'viv, 1996. – V. 8. – P. 176–190.
9. Гейд В. Итальянские колонии на побережье Черного и Азовского морей. Извлечение из сочинения В. Гейда «История торговли Востока в средние века» / пер. Л. П. Колли. – Симферополь, 1915. – 118 с.
Geyd V. Italijskie kolonii na poberejje Chernogo i Azovskogo morey. Izvlechenie iz sochinenia V.Geyda "Istoriya trgovli Vostoka v srednie veka" / per. L. P. Kollі. – Simferopol, 1915. – 118 p.
10. Еманов А. Г. Латиняне и нелатиняне в Каффе (XIII–XV вв.) // *Из истории Византии и византиноведения*. – Л., 1991. – С. 107–116.
Emanov A. G. Latiniane i nelatiniane v Kaffe (XIII-XV vv.) // *Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniya*. – L., 1991. – P. 107–116.
11. Еманов А. Г. Флорентийский гуманист о Крыме: «Похвала генуэзцам» Джанозцо Манетти // *МАИЭТ*. – Вып. 3. – Симферополь, 1993. – С. 269–273.
Emanov A. G. Florentiyskiy gumanist o Krime: "Pohvala genueztsam" Janozzo Manetti // *MAIET*. – V. III. – Simferopol, 1993. – P. 269–273.
12. Зевакин Е. С., Пеанчко Н. А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // *Исторические записки*. – № 7. – С. 3–33.
Zevakin E. S., Penchko N. A. Iz istorii sotsial'nih otnosheniy v genuezskikh koloniyah Sev-ernogo Prichernomor'ya v XV s. // *Istoricheskie zapiski*. – № 7. – P. 3–33.

13. Карпов С. П. Когда и как возникла Тана? (О происхождении итальянской фактории на византийской окраине) // Византийский временник. – 1997. – Т. 57 (82). – С. 5–18.
 Карпов С. П. Kogda i kak vznikla Tana? (O proishojdenii ital'ianskoy faktorii na vizantiyskoy ukraine) // Vizantiyskiy vremennik. – 1997. – Т. 57 (82). – Р. 5–18.
14. Карпов С. П. Латинская Романия. – СПб.: Алетейя. – 2000.
 Карпов С. П. Latinskaya Romaniya. – SPb.: Aleteya. – 2000.
15. Колли Л. П. Каффа в период владения ею Банком св. Георгия (1454–1475) // ИТУАК. – 1912. – Т. 47. – С. 98–100.
 Kolli L. P. Kaffa v period vladeniya eyu Bankom sv.Georgiya (1454–1475) // ITUAK. – 1912. – Т. 47. – Р. 98–100.
16. Кружко Л. П. Путешествие Ибн Баттуты в столицу Золотой Орды через Крым // Пилигримы Крыма-98. Осень '98. – Симферополь, 1998. – С. 64–67.
 Krujko L. P. Puteshestvie Ibn Batutti v stolitsu Zolotoy Ordi cherez Krim // Piligrimi Krima-98. Osen'98. – Simferopol, 1998. – Р. 64–67.
17. Масиель Санчес Л. К. Города в западноевропейских книгах путешествий первой половины XV в. [О книге «Странствий и путешествий» Перо Тафура (1410-1480)] // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2002. – № 2. – С. 67–82.
 Masiel' Sanches L. K. Goroda v zapadnoevropeyskikh knigah puteshestviy pervoy polovini XV s.[O knige "Stranstviy i puteshestviy" Pero Tafura (1410-1480)] // Vestnik Mosk-ovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya. – 2002. – № 2. – Р. 67–82.
18. Мельникова А. С. Московия и Италия: Рус.-итал. связи в эпоху средневековья по нумизмат. данным // Деньги и кредит. – 1995. – № 4. – С. 68–72.
 Mel'nikova A. S. Moskoviya i Italia: Rus.-ital. svyazi v epohu srednevekovia po numizmat. dannim // Den'gi i kredit. – 1995. – № 4. – Р. 68–72.
19. Мыц В. Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50-70-е гг. XV вв. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. – К.: Стило, 2002. – С.139–189.
 Mits V. L. Genuezskaya Lusta i Kapitanstvo Gotii v 50-70-e gg. XV ss. // Alushta i Alushtinskiy region s drevneyshih vremen do nashih dnei. – K.: Stilos, 2002. – Р. 139–189.
20. Пономарев А. Л. Население и территория Каффы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. // Причерноморье в средние века. – 2000. – Вып. 4. – С. 317–443.
 Ponomarev A. L. Naselenie i territoriya Kaffi po dannim massarii – buhgalterskoy knigi kaznacheystva za 1381–1382 gg. // Prichernomor'e v srednieveka. – 2000. – V. 4. – S. 317–443.
21. Старокадомская М. К. Русское торговое население генуэзской Каффы // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 142–154.
 Starokadomskaya M. K. Russkoe torgovoe naselenie genuezskoy Kaffi // Istoriya i ar-heologiya srednevekovogo Krima. – M., 1958. – Р. 142–154.
22. Тафур П. Странствия и путешествия. – М.: Индрик, 2006. – 296 с.
 Tafur P. Stranstviya i puteshestviya. – M.: Indrik, 2006. – 296 p.
23. Устав для генуэзских колоний на Черном море 1449г. // ЗООИД. – 1863. – Т. V. – С.629–837.
 Ustav dlia genuezskih koloniy na Chernom more 1449g. // ZOOID. – 1863. – Т. V. – Р. 629–837.

Seitvelieva N.Y. About of the ethnic-confessional aspect of Genoese colonization at the Black Sea region // Scientific Notes of Crimean Federal V. I. Vernadsky University. – Series: Historical Science. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – Р. 89–97.

It's an attempt to demonstrate the peculiarities of ethnic-confessional situation in Black Sea region factories of Genoa. The relations character between the representatives of various ethnic groups that lived in a frames of one place, of one town, in a frames of unified relations, in a structure of the multilingual population of the settlements have been analyzed. It was very important to investigate the life specificity of colonies population which were by no means a similarity, to discover the features of the co-existence which had place there such as mixed marriages or an cooperation at the social-economic sphere.

Genoa particularly and Italy in all also introduced the phenomenon of colonialism into European, and indeed world, history, since the patterns and models established by Italian colonialists later influenced the colonial experiences of other nations in the époque of Great Geographic Discoveries.

The population of Genoese colonies at the Black Sea region was essentially polyethnic and religiously variegated. A numerous written sources and archeological materials confirm that.

There is a mixing of cultures considerably was there. As a result a new ethnic groups have appeared.

The special approach of municipal settling was formed in Caffa. It's based on integration of different ethnic and religious quarters.

Caffa lay at the centre of the Genoese network of colonies, trading stations and overseas domains situated far from the metropolitan country. Caffa was the biggest centre of commerce in the Black Sea and was an outpost that played a pivotal role in the Genoese system of international long-distance trade. From its emergence around 1260s – 1270s and up to its fall to the Ottomans in 1475, the city was the main Genoese pivot in the area. This resulted in the emergence of a mixed and cosmopolitan ethnic and cultural environment that gave birth to a new multicultural society comprising features characteristic of Western Europe, the Mediterranean area and the Near East as well as those of Central and Eastern Europe. The history of these societies and cultures may be regarded as one of the histories of unrealized potentials of intercultural exchange that began with the penetration of Italians to the Black Sea basin and stopped soon after the Ottoman conquest of Crimea. The city of Caffa, which is in the centre of this presentation, can be fruitfully studied manifold, being a contact zone for many cultures and civilizations. The Genoese centers at the Black Sea region were the bright example of symbiosis of two civilizations and cultures - Western and Eastern.

Gradually the conception "Genoese" become a conception with juridical and economical content. This conception has transformed in a status with a special rights and benefits. And this status can be received by the non-Latin inhabitants of the Genoese centers.

Key words: factory, metropolitan country, Genoa, Black Sea region, Caffa, Soldaya, Tana, Latins, The Statute for Genoese colonies of 1449.